

МАЯКОВСКИЙ, Владимир Владимирович [7(19).VII.1893, с. Багдади, Грузия -- 14.IV.1930, Москва] -- поэт. "Я -- поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном -- только если это отстоялось словом" -- так начинает М. автобиографию "Я сам". В слове М. "отстоялась" не только судьба поэта и жизнь его "страны-подростка", в поэзии М. уже на пороге XX в.-- будь то специфика образного видения или суть миропонимания -- зазвучал голос человека его эпохи, преломились "космовидение" и новое мышление, ставшие теперь реальностью и насущной потребностью нашего столетия.

М. родился в небольшом селении Багдади вблизи г. Кутаиси. Отец -- Владимир Константинович Маяковский -- лесничий, умный, веселый человек, снискавший любовь и уважение крестьян. После переименования в 1940 г. с. Багдади в поселок Маяковский многие из его старожилов были убеждены, что сделано это в честь В. К. Маяковского. Бабушка поэта по отцу происходила из рода известного в прошлом веке писателя Г. П. Данилевского, имевшего общие корни в родословной Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина. Мать М.-- Александра Алексеевна, урожденная Павленко, посвятила себя воспитанию детей. Их в семье было трое. Детские годы М. прошли среди величественной, привольной природы Кавказа. С малых лет впитал М. так поражающую потом его современников широту и щедрость земли Грузии, чеканную напевность ее языка, искренний и горячий нрав ее народа. Вспоминая детство, М. напишет впоследствии: "Я знаю: / глупость -- эдемы и рай! / Но если / пелось про это, / должно быть, / Грузию, радостный край, / подразумевали поэты". В 1902 г. М. поступает в Кутаисскую гимназию, принимает участие в революционных событиях 1905 г. "В гимназической церкви,-- писал М. сестре Людмиле в Москву,-- мы пели Марсельезу". Революция входила в его душу ритмом, гулом песен и митингов, мечтами о России. "Приехала сестра из Москвы,-- вспоминал М. в автобиографии.-- Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки... Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове". В 1906 г. после внезапной смерти отца семья Маяковских переезжает в Москву. Чтение марксистской литературы, работа в социал-демократическом кружке оттеснили занятия М. в гимназии на второй план, а в начале 1908 г. он решил полностью отдать себя партийной работе и живописи. Учеба в Строгановском училище, прерываемая арестами 1908--1909 гг., участие в подпольном большевистском движении завершились "так называемой дилеммой": "Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы?.. Я прервал партийную работу. Я сел учиться". Этому решению предшествовали "11 бутырских месяцев" одиночной тюремной камеры. "Важнейшее для меня время,-- как скажет о нем М. в автобиографии.-- После трех лет теории и практики -- бросился на беллетристику. Перечел все новейшее. Символисты -- Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось, так же про другое -- нельзя. Вышло ходульно и ревлпаксиво... Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям -- при выходе отобрали. А то б еще напечатал!" Тетрадку эту М. уже после революции разыскивал в тюремных архивах, а 1909 г. считал началом своей литературной работы. Выход М. из тюрьмы был в полном смысле выходом в искусство. В 1910 г. он поступает в студию художника П. Келина, где начинает готовиться к экзаменам в Училище живописи. Ученик В. Серова, Келий привлек

М. приверженностью классическому реализму, противостоящему кубизму и другим модным течениям, шедшим с Запада. В 1911 г. М. поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Псевдоакадемическая, рутинная атмосфера училища, исключавшая возможность поиска самостоятельного пути в искусстве, и, с другой стороны, бунт "левых" учеников, кубистов М. Ларионова, Н. Гончаровой, И. Машкова обусловили сложность и неоднозначность формирования у М. представлений о целях и идеалах творчества, отождествление им эстетического бунта в искусстве с бунтом революционным. Социальная и художественная ситуация России 1910 г. ставила перед М. очередную дилемму: старая жизнь, старое искусство -- "рассадник духовного филистерства" и новая жизнь, новое искусство. М. выбрал футуризм как творчество будущего во всех сферах бытия. "Хочу делать социалистическое искусство" -- так определял поэт цель своей жизни уже в 1910 г. После "сотни томительных дней" Бутырской тюрьмы М. необычайно привлек размах его старшего друга по Училищу Давида Бурлюка, так говорившего о задачах русских футуристов: "Мы пойдем на улицы Москвы, в гущу народа и станем втроем читать стихи... Мы, революционеры искусства, обязаны выступить с проповедью нового искусства по всем крупным городам России... Мы должны и можем делать феноменальные явления и в искусстве, и в жизни. Возьмем мир за бороду и будем трясти... облапим весь земной шар и повернем в обратную сторону... Все человечество -- наше -- и никаких разговоров!.." Со всей бескомпромиссностью молодости бросался М. в новое искусство, веря, что, выкинув из поэзии "слова с чужими брюхами", он принесет в жизнь новое настроение, противопоставленное группировкам "художественно-обособленных сект вроде символистов, мистиков, которые давят друг друга своей туберкулезной безнадежностью". Основной тон ранних выступлений М.-- критическая направленность против прошлого и современного, прежде всего символистского, искусства, "ненависть к искусству